

Редьярд Киплинг

Самая удивительная повесть в мире

*Часть сборника
Самая удивительная повесть в
мире (сборник)*

Редьярд Киплинг

**Самая удивительная
повесть в мире**

«Public Domain»

1891

Киплинг Р. Д.

Самая удивительная повесть в мире / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1891

«Его звали Чарли Мирс; он был единственный сын у матери-вдовы, жил в северной части Лондона и ходил ежедневно в Сити, где он служил в банке. Ему было двадцать лет, и он был полон надежд на будущее. Я встретился с ним в бильярдной, где маркёр называл его просто по имени, а он называл маркёра Бельсей. Чарли объяснил мне с некоторой нервностью, что он пришёл сюда только посмотреть на игроков, а так как мне казалось, что смотреть на игру, где требуется ловкость, не так уж занимательно для молодого человека, то я посоветовал Чарли вернуться домой к матери...»

Редьярд Киплинг

Самая удивительная повесть в мире

* * *

Его звали Чарли Мирс; он был единственный сын у матери-вдовы, жил в северной части Лондона и ходил ежедневно в Сити, где он служил в банке. Ему было двадцать лет, и он был полон надежд на будущее. Я встретился с ним в бильярдной, где маркёр называл его просто по имени, а он называл маркёра Бельсей. Чарли объяснил мне с некоторой нервностью, что он пришёл сюда только посмотреть на игроков, а так как мне казалось, что смотреть на игру, где требуется ловкость, не так уж занимательно для молодого человека, то я посоветовал Чарли вернуться домой к матери.

Это было первой ступенькой к дальнейшему нашему знакомству. Он стал заходить ко мне иногда по вечерам вместо того, чтобы бегать по Лондону вместе со своими товарищами-клерками; и вскоре, рассказывая мне о себе, как обыкновенно делают молодые люди, он поделился своими мечтами и надеждами, которые вращались исключительно в области литературы. Он желал заслужить себе бессмертную славу, главным образом стихами, хотя он был не прочь посылать свои рассказы о любви и смерти в дешёвые журнальчики. Моя роль заключалась в том, чтобы спокойно сидеть и слушать, пока Чарли читал мне свои поэмы в сотни строк и громадные отрывки из драматических произведений, которые должны были перевернуть весь мир. А моей наградой за это было его неограниченное доверие и рассказы о его переживаниях и тревогах, которые так же священны для юноши, как и для девушки. Чарли никогда ещё не попадал в сети любви, но очень боялся, что сделает это при первом удобном случае. Он верил во все прекрасное и во все честное, но самым забавным образом старался уверить меня, что он очень хорошо знал свет, как подобает его знать клерку, служащему в банке и получающему двадцать пять шиллингов в неделю. Он свято верил в то, что рифмы, которые он подбирал, были самыми удачными, какие когда-либо приходили в голову поэту. Длинные пропуски в драмах он заполнял торопливыми объяснениями и описаниями и стремился дальше, так хорошо представляя себе все, что он намеревался сказать, что оно уже казалось ему сказанным и всеми понятым. А затем он обращался ко мне и ждал одобрения.

Мне представляется, что его мать не особенно поощряла его стремления, и я знаю, что дома край умывальника заменял ему стол. Он говорил мне об этом в самом начале нашего знакомства, когда он опустошал мои книжные полки, и незадолго до того, как он умолял меня сказать ему всю правду относительно его шансов «написать что-нибудь действительно великое, вы понимаете?» Должно быть, я сильно обнадёжил его, потому что однажды ночью он явился ко мне с горящими от возбуждения глазами и сказал задыхающимся голосом:

— Как вы думаете, нельзя ли мне остаться здесь и пописать весь вечер? Я не буду мешать вам, я, право, не буду мешать! Мне негде писать у моей матери.

— Но в чем же дело? — спросил я, хорошо понимая, в чем было дело.

— Видите ли, у меня есть в голове тема, из которой можно сделать великолепнейший рассказ, который когда-либо был написан. Позвольте мне написать его здесь. Это такая тема!..

Невозможно было отказать ему в этой просьбе. Я поставил ему стол; он поблагодарил меня и тотчас же уселся писать. С полчаса перо его без отдыха царапало бумагу. Затем он вздохнул и начал теревать волосы. Перо двигалось все медленнее, все чаще приходилось зачёркивать написанное, и, наконец, он совсем перестал писать. Самая занимательная история на свете не желала появляться.

– Теперь это кажется таким вздором, – жалобно сказал он, – раньше, когда я об этом думал, мне казалось, что это очень хорошо получится. В чем тут дело?

Мне не хотелось огорчать его, сказав ему правду. Поэтому я ответил:

– Вы, вероятно, были не в настроении перед тем, как начали писать?

– Нет, ничего... Но вот теперь я не могу смотреть на эту ерунду! Ух!

– Прочитайте мне, что вы написали, – сказал я.

Он прочитал. Рассказ был из рук вон плох, а он ещё подчёркивал особенно напыщенные сентенции, ожидая хотя бы лёгкого одобрения, потому что он гордился этими сентенциями, и я хорошо знал это.

– Тут нужно бы кое-что сократить, – осторожно заметил я.

– Я ненавижу обрезать свои вещи. Я думаю, что отсюда нельзя отнять ни одного слова без того, чтобы не исказить смысла. Когда читаешь вслух, выходит гораздо лучше, чем тогда, когда я писал.

– Чарли, вы страдаете опасным недугом, которому подвержены очень многие люди. Отложите пока свою вещь и возьмитесь за неё снова не ранее чем через неделю.

– Но я хочу окончить её сейчас. Что вы о ней думаете?

– Как могу я судить о вещи, которая готова только наполовину? Расскажите мне всю эту историю так, как она сложилась у вас в голове.

Чарли рассказал, и в его рассказе обнаружилось нечто, чего он никак не мог выразить в литературной форме. Я взглянул на него, удивляясь, как он мог не понимать оригинальности и силы той идеи, которая пришла ему в голову. Решительно, это была идея среди идей. Многие люди возомнили о себе Бог знает что, натолкнувшись на идеи, которые не имели десятой доли ценности превосходной идеи Чарли.

А Чарли продолжал невозмутимо болтать, загромождая поток чистой фантазии образчиками ужаснейших сентенций, которые он намеренно вставлял. Я дослушал его до конца. Было бы безумием оставить его идею в таких неопытных руках, тогда как я мог так много сделать из неё!

– Ну, как вы думаете? – сказал он наконец. – Я думаю, что назову его «Историей одного корабля».

– Мне кажется, что идея недурна, но вы не будете в состоянии обработать её до конца. Между тем, как я...

– Неужели она может пригодиться вам? Вы хотите взять её? Я гордился бы этим, – торопливо сказал Чарли.

Мало есть вещей на свете более приятных, чем искренность, горячность и неумеренное открытое восхищение юноши. Даже женщина в порыве слепого обожания не пойдёт по следам любимого человека, не снимет своей шляпки с того гвоздя, на который он вешает свою шляпу, и не будет пересыпать свою речь его излюбленными словами.

А Чарли проделал все это. Было необходимо спасти свою совесть прежде, чем я стану обладателем мыслей Чарли.

– Давайте заключим договор. Я дам вам пять фунтов за вашу идею, – сказал я.

Чарли сразу превратился в банковского клерка.

– О, это невозможно. Между двумя коллегами, вы понимаете, если я смею так назвать вас, и как человек порядочный, я не могу. Возьмите эту идею, если она вам годится. У меня их целая куча.

У него действительно было много идей – никто не знал этого лучше меня, но это были идеи других людей.

– Взгляните на это с деловой точки зрения, как это делается между порядочными людьми, – возразил я. – На пять фунтов вы сможете купить достаточное количество поэтиче-

ских произведений. – Дело делом, и вы можете быть уверены, что я не дал бы вам этой суммы, если бы...

– О, если вы ставите это на такую почву!.. – сказал Чарли, видимо увлечённый мыслью о книгах. Договор был заключён с тем условием, что он будет заходить ко мне во всякое время, когда у него появятся новые идеи, будет пользоваться у меня отдельным столом, чтобы иметь возможность писать, и неограниченным правом изливать на меня все свои поэмы и все отрывки из драматических произведений. После этого я сказал:

– Ну а теперь расскажите мне, как вы пришли к этой мысли?

– Да она сама пришла ко мне.

Глаза Чарли открылись широко.

– Да, но вы мне рассказали очень много о герое, вы, вероятно, читали это где-нибудь раньше?

– У меня нет другого времени для чтения, как только у вас, когда вы позволяете мне сидеть здесь, а по воскресеньям я езжу на велосипеде или уезжаю на весь день на реку. Разве я там что-нибудь перепутал о герое?

– Расскажите мне ещё раз, и тогда я лучше пойму вас. Вы говорите, что ваш герой попал к пиратам. Как же он жил?

– Он был на нижней палубе того судна, о котором я вам рассказывал.

– Что это было за судно?

– Это было нечто вроде корабля на вёслах; море заливают водой отверстия для весел и человек сидит по колено в воде. Потом там ещё есть продольная скамья, идущая посередине между двумя рядами гребцов, и надсмотрщик с плетью ходит взад и вперёд, чтобы заставлять людей работать.

– Откуда вы это знаете?

– Так в моем рассказе. Там ещё верёвка, прикрепленная к верхнему деку, чтобы надсмотрщик мог ухватиться за неё, когда корабль накрывается. Когда однажды надсмотрщик промахнулся и, не успев ухватиться, упал на палубу между гребцами, вы помните, мой герой засмеялся и получил за это удары плетью. И разумеется, он, то есть мой герой, прикован цепью к своему веслу.

– Как же он прикован?

– Железной цепью, охватывающей его талию и прикрепленной к той скамье, на которой он сидит, а кроме того, на его левой руке тоже надето железное кольцо, соединённое цепью с веслом. Он находится на нижней палубе, куда посылают самых худших людей, и свет проникает туда только через отверстия для весел и слабо колеблется, освещая трюм, когда корабль движется. Можете ли вы себе представить солнечное сияние, проскальзывающее в отверстия люков?

– Могу, но не могу представить, как вы это представляете себе.

– Но как же может быть иначе? А теперь послушайте дальше. За длинными вёслами на верхней палубе сидят по четыре человека на каждой скамье, на нижней – по три, на самой нижней – по два. Вы помните, что на нижней палубе – полная темнота, и от этого все люди понемногу сходят с ума. Когда человек умирает за своим веслом на этой палубе, его не выбрасывают за борт, а разрезают на части так, как он есть, в цепях, а затем проталкивают по кускам через отверстия для весел.

– Это зачем же? – спросил я, удивлённый не столько этой подробностью, сколько решительным тоном, которым она была передана.

– А для того, чтобы избавить себя от хлопот и внушить страх людям. Нужно бы было иметь двух надсмотрщиков, чтобы стащить труп человека на верхнюю палубу, но если людей, сидевших за вёслами на нижней палубе, оставить одних, они бы перестали грести и поломали бы скамьи, поднявшись все сразу в своих цепях.

– Ваша фантазия удивительно предусмотрительна. Где вы читали о галльских галерах и галльских невольниках?

– Насколько я помню, нигде. Я люблю грести, когда есть возможность. Но, если вы так говорите, может быть, я где-нибудь и читал что-либо подобное.

Скоро после этого он ушёл от меня к книгопродавцам, а я был поражён тем, как мог двадцатилетний банковский клерк передать мне с таким расточительным избытком подробностей историю потрясающего кровавого эпизода, в котором был и мятеж рабов, и тираны, и смерть в неизвестных морях.

Он заставил своего героя пройти через мятеж невольников против надзирателей, командовать собственным кораблём и затем основать королевство на каком-то острове где-то там на море, и, восхищённый моими жалкими пятью фунтами, он отправился покупать мысли других людей, которые могли бы научить его, как писать. А у меня осталось утешение, что его идея принадлежит мне по праву приобретения, и я думал, что смогу её использовать.

Когда он зашёл ко мне в следующий раз, он был буквально опьянён – опьянён чтением поэтов, которые впервые открылись ему. Зрачки его были расширены, речь лилась бурным потоком, и он весь облёкся в цитаты, как нищий облёкся бы в пурпур императоров. Но сильнее всех он был упоён Лонгфелло.

– Разве это не великолепно? Разве не восхитительно? – вскричал он мне после короткого приветствия. – Послушайте же:

– Ты хочешь, – ответил кормчий, —
Тайны постигнуть моря?
Лишь тот, кто презирает его опасность,
Постигнет его тайны.

Он, по крайней мере, раз двадцать повторил эти строки, расхаживая по комнате и забыв обо мне.

– Но я также могу это понять, – сказал он сам себе. – Я не знаю, как благодарить вас за эти пять фунтов. А это, послушайте-ка:

Я помню чёрные гавани, узкие проходы
И свободно плещущие волны прилива;
Я помню испанских матросов с бородами лицами,
И красоту, и тайну кораблей,
И волшебные чары моря.

Я хотя и не презирал никакой опасности, но чувствовал себя так, как будто испытал все это сам.

– Вы положительно больны морем. Видели ли вы его когда-нибудь в жизни?

– Когда я был маленьким мальчиком, я был однажды в Брайтоне; мы жили обыкновенно в Ковентри до переезда в Лондон. Я раньше никогда не видел его.

Он процитировал мне ещё несколько строк из Лонгфелло и затем хлопнул меня по плечу, чтобы заставить понять воодушевление, которое испытывал сам.

– Когда приближается шторм, – сказал он, – мне представляется, что все весла на корабле, о котором я вам рассказывал, ломаются, и у гребцов вся грудь бывает разбита из-за трения о верхнюю часть весла. А кстати, пригодилась ли вам моя тема и что вы с нею сделали?

– Нет, мне хотелось ещё послушать вас. Скажите мне, ради Бога, откуда вы знаете о всех этих приспособлениях на корабле? Ведь вы не имеете понятия о кораблях?

– Да, я ничего об этом не знаю. Для меня это совершенно ясно до тех пор, пока я не начинаю писать о них. Я думал об этом сегодня ночью, лёжа в постели, после того, как вы дали мне «Остров сокровищ»; и тут я вставил целую кучу новых вещей для этой истории.

– Какого рода вещей?

– Вот, например, относительно пищи, которую ели эти люди: гнилые фиги, чёрные бобы и вино в кожаном мешке, который передавали от одной скамьи к другой.

– Разве корабль был построен в такие давние времена?

– В какие времена? Я сам не знаю, было ли это давно или нет. Ведь это только выдумка, но иногда она мне кажется такой реальной, как будто это было на самом деле. Не надоел ли я вам своими рассказами?

– Ничуть. А может быть, вы ещё что-нибудь придумали?

– Да так, пустяки... – Чарли слегка покраснел.

– Ну расскажите, что же именно?

– Видите ли, я думал об этом рассказе, и после этого я встал с постели и написал на кусочке бумаги разные каракули, какие, по-моему, могли нацарапать эти люди на своих вёслах острыми частями кандалов. Мне кажется, что это делает рассказ более правдоподобным. Для меня он совершенно реален.

– А эта бумага с вами?

– Да... Но к чему показывать её? Это просто несколько каракулей. Но тем не менее мы могли бы изобразить их на заглавном листе нашей книги.

– Я уж позабочусь обо всех этих мелочах. Покажите мне, как писали эти люди.

Он вытащил из своего кармана большой лист бумаги, который был весь покрыт какими-то таинственными знаками. Я заботливо спрятал его.

– Но что же это должно означать по-английски? – сказал я.

– О, этого я не знаю. Я думаю, что это должно означать: «Я зверски устал». Это страшно глупо, – прибавил он, – но все эти люди на корабле кажутся мне такими реальными, как настоящие люди. Поскорее напишите что-нибудь на эту тему; мне бы очень хотелось, чтобы эта история была написана и напечатана.

– Но из того, что вы мне рассказали, выйдет очень большая книга.

– Ну что же. Вам стоит только сесть и написать.

– Подождите немножко. Нет ли у вас ещё тем?

– Нет, теперь больше нет. Я теперь читаю все книги, которые я купил. Они все великолепны.

Когда он вышел от меня, я взглянул на бумагу со значками на ней. Затем я бережно сжал голову обеими руками, чтобы ничто не выскользнуло из неё и чтобы она не закружилась.

Потом... Но мне кажется, что не было никакого промежутка между тем, как я покинул свою комнату и очутился у дверей кабинета для занятий в коридоре Британского музея. Я спросил у стоявшего там полицейского, насколько мог вежливее, где «специалист по греческим древностям». Полицейский не знал ничего, кроме общих правил для посетителей музея, пришлось бродить по всем отделениям, начиная от входных дверей. Какой-то милейший джентльмен, которого ради меня заставили прервать завтрак, положил конец моим исканиям. Держа бумажку двумя пальцами, большим и указательным, и фыркнув при этом, он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.